18+

Ирина Ковальчук

Слеза Богослова

«Издательские решения»

Ковальчук И.

Слеза Богослова / И. Ковальчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834395-7

«Слеза Богослова» — добрая повесть о непростой жизни самой обыкновенной российской семьи, в которой бабушка и мама, каждая по-своему, воспитывают двух мальчиков. Случайно оказавшийся под ногами необычный цветок и рассказанная папой история о последней проповеди Апостола Любви — Иоанна Богослова, помогают детям избежать беды и понять, что значит быть братьями. Эта книга предназначена для семейного чтения и будет интересна как детям дошкольного и младшего школьного возраста, так и их родителям.

ISBN 978-5-44-834395-7

© Ковальчук И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. У детской кроватки 6
Глава 2. Отъезд 8
Глава 3. Концерт 10
Глава 4. Новая жизнь 11
Глава 5. Кормушка 15
Глава 6. Пост 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Слеза Богослова
Ирина Ковальчук

Кира Скрипниченко *Иллюстратор*
© Ирина Ковальчук, 2020
© Кира Скрипниченко, иллюстрации, 2020
ISBN 978-5-4483-4395-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. У детской кроватки

За звонком в дверь последовал детский плач. Как только дверь отворилась, трёхлетний малыш Жека бросился к маме, стоявшей за порогом. Оказавшись на руках, сын заплакал громче прежнего и прижался мокрым от слёз лицом к маминой щеке. Мама Света, как часто называл её сын, возмущённо смотрела на свою маму, бабу Галю, которую внук наотрез отказывался называть «бабушкой». Не прекращая плакать, малыш показывал ручкой на угол, в котором ему пришлось простоять какое-то время.

– Мама, я же тебя просила! Тебе что, приносит удовольствие издеваться над ребёнком?

Дочь сердито сдвинула брови и метнула на бабушку недовольный взгляд.

– Почему это издеваться? – бабушка ответила вопросом на вопрос, сохраняя невозмутимое спокойствие. – Он был наказан и, кстати, очень даже спокойно стоял в углу, думая о своем поведении, пока ты не позвонила в дверь.

– Мама, я тебя не понимаю! Ты же знаешь, что ему нельзя нервничать!

Щёки мамы Светы стали покрываться красными пятнами, что случалось всякий раз, когда она раздражалась.

– А бить меня ногами ему можно? – По интонации бабушкиного голоса было ясно, что уступать она не собирается.

– Но он же ребенок! Не обращала бы внимания, он бы и перестал!

– А я и не обращала, но, к сожалению, твой баловень скоро…

– Ты плохая! Не люблю тебя! – перебил бабушку на полуслове внук.

Мама Света опустила малыша на землю, достала из кармана платок и стала вытирать слёзы на лице зареванного сына.

– Всё, сладенький мой. Мы сейчас поругаем бабу Галю, скажем ей: «Ну-ну-ну, баба Галя! Маленького мальчика обижать нельзя. У него такие красивые серые глазки. Они не должны плакать. Ну-ну-ну, баба Галя!»

Жека вырвался из маминых рук и с криком «не люблю тебя!», подбежал к бабушке, со всей силы ударил её ладошкой по ноге и тут же бросился назад к маме. Мама Света промолчала. Она прижала к себе сына и провела рукой по русым кудряшкам.

– Успокойся, сынок. Мамочка пришла. Больше никто не будет тебя обижать…

…Эта сцена из прошлого так живо сохранилась в памяти, как будто всё это произошло вчера. Тогда они по-настоящему поссорились. Мама Света настаивала на том, что Жеку, родившегося больным, нельзя наказывать. Но баба Галя твердила, что во всём потакать ребёнку, пусть даже и больному, – это не воспитание.

Вскоре в семье появился ещё один мальчик – маленький ангелочек, небесной улыбкой отвечающий на мамино «агу-агу». Жека уже научился читать по слогам, но посеянные мамой семена попустительства проросли горькой полынь-травой непослушания. Баба Галя оказалась права.

«Хорошо, хоть Алексея ещё побаивается», – думала мама, укачивая младшенького.

В соседней комнате папа пытался угомонить её разбушевавшегося любимца.

«Не надо! Я больше не буду!» – донеслось через плотно закрытую дверь.

Это означало, что «мужской разговор» подходил к концу.

Тяжёлый мамин вздох привлёк внимание уже было начавшего засыпать малыша.

– Спи Витенька, спи, – спохватилась она, – глазки не нужно открывать. Баю-бай, баю-бай, Витя глазки закрывай, – пропела она первое, что пришло в голову.

Малыш сладко потянулся и снова закрыл глаза. За стеной притихли – на этот раз обошлось без ремня. Мама Света выдохнула с облегчением, задумчиво посмотрела на младшенького и тихо спросила:

– Витенька, неужели и ты тоже будешь обижать свою маму?

Малыш свернул губки трубочкой и сжал пальчики в кулачок. Он тихо посапывал.

– Спи, спи, сладенький мой. А мама возле тебя посидит. Пусть папа сам с Жекой разбирается. У него это лучше получается.

Глава 2. Отъезд

Жека пошёл в первый класс, и при его характере школьная жизнь не сулила маме Свете ничего хорошего. На младшего сына времени совсем не оставалось. Семья оказалась перед выбором: или отдавать Витю в садик или попросить бабушку о помощи. Бабушка явилась по первому зову, но поставила одно условие: она забирает внука с собой.

Витя был только рад. Старший брат часто обижал его, а у бабушки с дедушкой был пёс-барбос, с которым он давно мечтал подружиться. Поэтому, недолго думая, бабушка и внучок стали складывать вещи и собираться в дорогу.

– Бабуля, а мы возьмём с собой Моцарта?

– Возьмём, конечно, если только он согласится с нами поехать.

– Ты думаешь, он дядя в шляпе? – малыш звонко рассмеялся.

– Ну, может, и не в шляпе, а в парике.

– А что такое «в парике»?

– Парик – это такая готовая прическа, которую можно надеть, даже не расчёсываясь.

– Хорошо, что Жека не слышит, а то он очень не любит расчёсываться по утрам, – снова рассмеялся Витя и побежал на кухню, где мама готовила обед. – Ма, а почему ты не купишь Жеке парик?

– Это ещё зачем? Он же не лысый.

– А Моцарт разве лысый?

– Моцарт – не лысый.

– Так он что, тоже не любит расчёсываться?

Мама улыбнулась, но лицо её тут же приняло испуганное выражение.

– Я тебя умоляю, ты только Жеке ничего не говори, а то он из меня парик сделает. Ладно?

Витя протянул ладошку и стукнул ею по маминой ладони. Так они всегда делали с папой, когда о чём-то договаривались. В дверном проёме появилась бабушка. Она выглядела очень серьёзной, но глаза её улыбались.

– Ну, что же мы будем делать с Моцартом?

– Моцарт едет с нами! Мамочка, пожалуйста.

Витя любил Моцарта, можно сказать, ещё с пелёнок. Незадолго до его рождения маме попалась статья о благотворном влиянии на человека музыки Моцарта, и она тут же купила несколько дисков. С тех пор маленький Витя засыпал только под Моцарта. Больше всего ему нравилась симфония №40. Эта симфония была малышу вместо няньки. Его можно было оставить одного и заниматься своими делами, потому что пока музыка звучала, он безмятежно рассматривал пальчики или с удовольствием забавлялся погремушками. Но как только затихали последние аккорды, Вить-Вить-Вить-Витюлечка, как обращалась к нему мама, тут же начинал хныкать и требовал к себе внимания.

– Конечно, дорогой мой, конечно, – мама прижала сына к себе и погладила его по шелковистым волосам. – Но так как у бабушки нет музыкального центра, значит и музыкальный центр поедет вместе с вами.

– Ура! – Витя запрыгал на месте, хлопая в ладоши. – Мы все: и я, и Моцарт, и музыкальный центр, – едем к бабушке! Ты увидишь, вам с дедушкой Моцарт тоже понравится!

Лицо малыша просто сияло от переполнявшего его счастья. Он побежал к музыкальному центру и нажал на кнопку.

Лёгкая, взволнованная мелодия, ворвалась в комнату, как ветер врывается в распахнутое окно. Витя запрыгал в такт музыке, увлекая за собой и бабушку.

– Мы вместе едем к дедушке! Мы едем в машине, а Моцарт в музыкальном центре! Бабушка, идём собираться! Мне так хочется познакомить вашего пёсика-барбосика с Моцартом. Я научу его танцевать. Может, он даже будет нам подпевать? Ты как думаешь?

Бабушка немножко подумала, зачем-то поправила очки и подняла вверх указательный палец:

– Я думаю, если мы все будем хорошо себя вести, друг друга уважать и слушаться, всё у нас будет хо-ро-шо!

Глава 3. Концерт

Переезд прошёл успешно, не считая концерта, устроенного Жекой перед возвращением домой. Он наотрез отказывался садиться в машину.

– Почему это Витя будет жить здесь, а я должен ходить в школу? – спросил он, отбежав подальше от машины, и топнул ногой.

Никто, даже Моцарт, не смог бы дать удовлетворяющий Жеку ответ, поэтому он категорически не хотел уезжать, и никакие мамины уговоры не помогали.

Когда же папа, хлопнув дверцей, вышел из машины с позеленевшим лицом, у Жеки тут же появился новый план. Он поедет, но только с ними поедет и бабушкин пёс Клякса. Жека схватил ничего не подозревающего Кляксу и потащил его к машине.

Витя, возлагавший большие надежды на дружбу с Кляксой, заплакал и бросился отнимать лохматого друга. Ничего непонимающий Клякса заскулил больше от страха, чем от боли. Собаки, жившие по соседству, подняли вой в поддержку попавшего в переплёт товарища. На шум выбежали соседи. Тогда папа схватил Жеку и затолкал его в машину вместе с Кляксой. Витя заревел, как сирена, и бросился с кулаками на машину. Дедушка схватил его на руки, но внук забился в истерике, извиваясь, как змея. Машина тронулась, и торжествующий Жека, с Кляксой на коленях, показал всем собравшимся язык. Но в это время папа открыл окно машины, и перепуганный Клякса с визгом бросился в образовавшееся отверстие. Не устояв на лапах после прыжка, он повалился на бок, тут же вскочил и бросился бежать, куда глаза глядят. Жека завизжал и попытался открыть дверцу машины, но мама вовремя схватила его за пояс. Папа нажал на газ, и машина с рёвом тронулась с места, набирая скорость.

Можно было только посочувствовать маме и папе, оставшимся наедине с разъярённым Жекой, но Вите уже было не до них. Всё ещё задыхаясь от недавнего припадка, он крутил головой по сторонам в надежде увидеть Кляксу. Но пса нигде не было. Он пришёл домой только под вечер, с опаской оглядываясь по сторонам. Бабушка приготовила ему сахарную косточку «для снятия стресса», и сияющий от счастья Витя торжественно вручил её лохматому другу.

Глава 4. Новая жизнь

У бабушки с дедушкой маленького Витю ожидало много сюрпризов. Во-первых, его стали приучать рано ложиться и рано вставать. Сначала Вите это не нравилось, но когда он понял, что «курочки ждут – не дождутся его появления», ранний подъём приобрёл для него особый смысл.

«Цып-цып-цып», – звал Витя, набирая полную пригоршню зерна.

На тоненький голосок с хрипотцой ещё не совсем проснувшегося бабушкиного помощника, куры бежали со всех сторон, пропуская вперёд петуха, кирпичного цвета с большим красным гребнем, приводя Витю в совершенный восторг. Остатки сна тут же терялись в хлопотливом «ко-ко-ко», а если на Витино «цып-цып-цып» отзывался и Клякса, малыш совершенно забывал о том, что можно было ещё несколько часиков понежиться в постели.

Клякса, как полноправный хозяин двора, кур не трогал. Его дело было следить за порядком. Пока Витя разбрасывал корм, пёс сидел рядом с хозяином, почёсывая за ухом от нечего делать. Но стоило только петуху клюнуть кого-нибудь из курочек, как Клякса вскакивал на четыре лапы и громкое «гав!» тут же ставило драчуна на место, хоть и ненадолго, потому что Петя Петрович, как называл петуха дедушка, был заносчив и упрям.

У Вити была любимая курочка, беленькая, в серую крапинку. Она была меньше остальных, и поэтому ей часто доставалось и от Пети Петровича, и от других кур. Витя всегда оставлял для неё пригоршню зёрнышек и, когда куры разбредались по двору после завтрака, он тихонько подкрадывался к своей любимице и высыпал оставленное зерно прямо перед ней. Сначала Рябушка пугалась и бросалась наутёк. Тогда её «паёк» доставался другим, более расторопным сородичам. Но вскоре она поняла свою ошибку и стала сразу набрасываться на упавшее перед ней зерно. К тому же сообразительный Клякса тоже понял тактический ход маленького хозяина и, осмотревшись по сторонам, занимал позицию, затруднявшую курам, и особенно Пете Петровичу, набег на Рябушкин «паёк».

После кормления кур, как правило, Витя бежал наперегонки со своим помощником. Клякса всегда выигрывал, поэтому Витя начал хитрить. Не добежав до финишного дерева, он разворачивался и бежал назад, чтобы первым вернуться на линию старта. Но чемпионом Витя оставался недолго. Клякса очень быстро понял манёвр хозяина и бежал, всё время оглядываясь. Стоило только Вите развернуться, чтобы бежать в противоположную сторону, как Клякса делал то же самое, и в два счёта перегонял хозяина.

– Ну ладно, Клякса, – Витя трепал друга по ушам. – Хоть ты и первым прибежал, но победила дружба.

Клякса никогда не возражал. Он радостно вилял хвостом и изо всех сил старался лизнуть малыша в губы. С приездом Вити жизнь у Кляксы тоже стала намного веселей.

Ещё Витя любил прогулки с бабушкой. Они ходили познавать окружающий мир. Клякса тоже любил эти уроки. Этот проказник никогда не отвечал на бабушкины вопросы, а всё больше путался под ногами.

Осень была в разгаре. Деревья сбрасывали листья, и земля покрывалась жёлто-багряным ковром. Витя бегал по шуршащим листьям, разбрасывая их ногами, или, собирал целые охапки жёлто-красных красавцев и обсыпал ими Кляксу. Четвероногий друг умудрялся увернуться, но всё равно какой-нибудь лист оставался у него на спине.

– Бабушка, смотри, у нашего Кляксы ещё одна жёлтая клякса появилась! – радовался Витя, а пёс, размахивая ушами, начинал трястись, как если бы его окатили ведром воды, или выкупали в пруду, и жёлтая «клякса» плавно перемещалась с пятнистой спины на землю.

Тогда Витя садился на корточки и сгребал целую кучу листьев. Любопытный Клякса подбегал посмотреть, в чем дело, и тут же оказывался прижатым к земле, а сияющий Витя

свободной рукой засыпал хвостатого друга листьями с приготовленной кучи. Иногда у него это так здорово получалось, что даже Кляксиного носа-пуговки не было видно.

– Бабушка, смотри, Клякса пропал! – кричал он радостно, но пёс изо всех сил старался вырваться, потому что ему не нравилось такое насилие над его свободолюбивой натурой. Он скулил, изворачивался и очень скоро оказывался на свободе, стряхивая со спины прилипшие к шерсти листья. Иногда освободившийся четвероногий пленник, подпрыгивая, толкал Витю лапами и тот со смехом падал сам. Клякса же непременно лизал поверженного маленького хозяина в нос или в губы.

– Ну-ка, проказники, сейчас нашлёпаю и одному и другому!

Бабушка только делала вид, что сердится, «для порядку», а сама она тоже любила эту шумную возню двух своих любимцев.

Вите всё было интересно. Он хотел знать и почему листья падают, и что с ними станет, когда выпадет снег. Когда бабушка говорила, что скоро листья пожухнут, станут некрасивыми и смешаются с землёй, он не хотел этому верить.

– Это несправедливо, – возмущался внук. – Я хочу, чтобы листья оставались красивыми всегда.

– Тогда выбери несколько самых красивых, и мы положим их дома между страницами журнала. Они засохнут и останутся такими же.

– Я не хочу, чтобы они засыхали.

– Ну, милый, тебе никак не угодишь.

Витя тут же забывал о листьях, потому что Клякса, не любивший долгих разговоров, срывался с места, увлекая за собой маленького хозяина.

Но однажды после дождя, который шёл целый день и целую ночь, малыш увидел, что золотые красавцы-листья пожухли и покрылись коричневыми пятнами.

– Вот видишь, а ты мне не верил! – бабушка оказалась, как всегда, права, но от этой правды Витя погрустнел.

В конце прогулки, ничего не объясняя, он насобирал целую охапку мокрых, ещё не покрытых коричневыми пятнами листьев, и принёс их в дом. Раздевшись, он тут же принялся смывать с них грязь. Затем промытые листья были разложены на газетах. Бабушка только наблюдала за внуком, ничего не спрашивая. Когда же листья просохли, Витя попросил у неё журналы, и вернувшийся с работы дедушка, застал внука за этим занятием. Садясь на диван, чтобы немного отдохнуть с дороги, он внимательно посмотрел на внука и спросил:

– И зачем это нам столько листьев?

– Деда, ты ничего не понимаешь, – многозначительно ответил внук. – Нам они, может, и не нужны, но эти листья уже не умрут, понимаешь?

Улыбка тут же запрыгнула дедушке в усы, и так быстро, что Витя не успел её заметить.

– Слышь, мать, это твоя работа. Наш дом скоро превратится в пункт спасения опавших листьев.

Готовый расплакаться, Витя подбежал к появившейся в дверном проёме бабушке:

– Почему ему не жалко бедных листьев?

– Почему тебе не жалко бедных листьев? – бабушка строго посмотрела на мужа.

– Всё, сдаюсь! – улыбка не могла больше прятаться в усах и выскочила наружу, обнажив почти все дедушкины зубы, вставные в том числе. – Ну, Алексеич, работать тебе в службе спасения, когда вырастешь.

– А что это за служба такая?

Внук даже рот открыл от удивления, и дедушка тут же пожалел о своей шутке. На столе уже появился дымящийся суп, а вопрос оказался слишком уж серьёзным.

– Это тебе бабушка растолкует. На то она и учительница, чтобы на вопросы отвечать.

Дедушка смачно отправил в рот отломленный кусок хлеба и зачерпнул ложкой золотистый суп, а бабушка с укором посмотрела на него и сказала:

– Вот так всегда! Дед напридумает, а бабушке выкручивайся!

– Ух, как же я проголодался, хуже Кляксы! А бабушка наша бо-ольшая мастерица!

– Нет, деда, – внук занял своё место за столом. – Ты мне зубы не заговаривай. Поужинаешь и расскажешь про службу спасения.

– Правильно, внучок, – бабушка поставила на стол тарелку со вторым и присела рядом с мужем. – Не женское это дело, служба спасения. Наше женское дело мужчин от голода спасать да розы от мороза укутывать.

– Деда, слышишь, – оживился внук, – а мы завтра будем розы укутывать!

– Это нужное дело! Дожди дождями, а заморозки уже зубы натачивают.

– Это как? – удивился Витя.

– А вот так! Не укутаете розы вовремя, и заморозки ночью на них нападут, да все нежные стебли погрызут. Что нас тогда летом будет радовать, если королева цветов на нашей клумбе не появится?

– А как же можно розы от этих заморозков спасти?

Личико малыша скривилось от жалости, и бабушка с укором покачала головой, глядя на мужа, который всегда был выдумщиком.

– Завтра всё увидишь, – успокоила она внука, – не волнуйся. Мы им шубки из веточек сделаем, землю под ними хвойными веточками выложим, тогда им не то, что заморозки, морозы будут не страшны.

– Вот тебе и служба спасения!

Дедушка положил вилку на опустевшую тарелку и вытер губы салфеткой.

– Нет, деда! Ты мне про настоящую службу спасения расскажи!

– Что с тобой поделаешь, когда ты настырный такой. Ладно, давай переместимся на диван. Дедушке нужно ноги вытянуть, чтобы мысли с ног в голову перебрались.

– Это как?

– Э, друг мой, чтоб на все твои вопросы ответить, не то, что вечера, дня не хватит. Так что выбирай: или мысли, или служба спасения.

– Служба спасения! – губы внука растянулись в улыбке.

Дедушка вытянулся на диване, а внучок уселся у него на животе. На кухне звенела моющаяся посуда, а на стене у двери тикали часики-ходики, которыми бабушка очень дорожила. Это был первый подарок, подаренный ей мужем давным-давно, когда они были «молодыми и счастливыми». Именно поэтому она всегда с большой нежностью протирала влажной тряпочкой длинную цепь с тяжелыми железными шишками на концах.

Витя тоже любил эти часики. Когда дедушки не было, а бабушка занималась хозяйством, они были его неизменными собеседниками. Больше всего его удивляло, что ходики знали ответ на любой вопрос. Как Витя ни ухитрялся выдумывать для них трудные вопросы, они, не задумываясь, отвечали: «Тик-так». В этом коротком ответе была тайна, но разгадать её не получалось: бабушка отмахивалась от приставаний внука, а Клякса, хоть и с удовольствием, но отвечал хвостом. Такой собачий язык был Вите, как говорил дедушка, не по зубам.

Глава 5. Кормушка

Витя рассказывал бабушке смешные истории про своего друга Кляксу, многие из которых придумывал сам.

– Знаешь, бабушка, почему вашего пёсика зовут Кляксой?

– Не знаю, расскажи.

– Он жил ещё тогда, когда дети в школе писали чернилами, а не шариковыми ручками, как наш Жека. Мне мама об этом рассказывала.

– Ну, а причём здесь наш барбос? – Бабушка никак не могла уловить связь между школьными чернилами и дворовым псом.

– Так он же был чисто белым! Ты что, забыла? – Витя говорил с такой уверенностью, как будто вся эта история и в самом деле происходила у него на глазах. – А дядя Петя, мамин одноклассник, был плохим учеником.

– Это тебе тоже мама рассказывала?

– Нет, это мне Сашка, дяди Петин сын, по секрету рассказал.

– И что же барбос?

– Чтобы не делать уроки, дядя Петя вылил чернила на барбоса, и с тех пор он весь в чернильных кляксах.

– Это тебе тоже дяди Петин сын рассказывал?

– Нет, это мне сам Клякса по секрету рассказал…

Когда выпал первый снег, Витя целый день провёл у окна.

– Витенька, и что же это ты там высматриваешь? – поинтересовалась бабушка.

– Когда высмотрю, тогда и расскажу, – коротко ответил внук, не отрываясь от своего занятия.

Наконец он спросил, можно ли есть снег.

– А зачем тебе его есть? – не поняла бабушка. – Если проголодался, так я вот сырничков испекла.

– Но у птичек же нет бабушки! Кто им сырничков испечёт?

– Ах, вот ты о чём! А я всё в толк не возьму, к чему это ты клонишь. – Бабушка призадумалась, а потом погладила внука по головке: – А мы, ведь, можем птичкам помочь. Зима, действительно, тяжёлая для них пора. Кроме человека, некому больше птичкам помочь.

– Мы будем им сырнички печь? – обрадовался Витя.

– Нет, мы сделаем для них кормушку, и будем регулярно насыпать туда крошёного хлебушка и разной крупы. Птички узнают о нашей кормушке и будут прилетать к ней. Проснёшься ты утром, а на кормушке уже сидит птичка Божия и приветствует тебя на своём птичьем языке: «Чик-чирик».

– Бабушка, давай уже сейчас начнём кормушку делать!

Взволнованный внук соскочил со стула и бросился к бабушке, но она остановила его:

– Нет, сейчас не начнём. Будем дедушку ждать. Он у нас старший по кормушкам. Я тебе по секрету скажу: усатые – большие специалисты по кормушкам.

– А почему? – не понял Витя.

– Это ты у него спроси. Он лучше меня объяснит. У меня же усов нет, – бабушка улыбнулась и подмигнула дедушкиному портрету в серванте, но внук этого не заметил.

Никогда прежде Витя не ждал дедушку с работы так, как в этот день. Он выбежал на улицу, позвал Кляксу и дал ему задание предупредить громким лаем о появлении дедушки.

– Клякса, скажешь так: «Гав-гав-гав!». Понял?

Клякса, как всегда, ничего не ответил, но с пониманием посмотрел хозяину в глаза, виляя кончиком пушистого хвоста.

– Смотри мне, не проморгай, – сказал Витя и пригрозил пальцем добродушному псу.

В этот вечер время тянулось, как никогда. Витя не находил себе места. На улице было уже темно, а из дому выходить бабушка не разрешала. Он пересмотрел все книжки, нарисовал несколько портретов своего любимца Кляксы, нарисовал воробья и синичку, сидящих на ветке в ожидании кормушки, как вдруг, наконец, раздался лай. Витя тут же соскочил со стула, на котором сидел.

– Молодец Клякса, не подвёл! – радостно выкрикнул он. – Только сигнал немножко перепутал. Я ему приказал сказать «гав-гав-гав», а он «гав-гав-гав-гав-гав» сказал.

Дедушка зашёл раскрасневшийся с морозца. Кончики его усов были белыми, как будто поседели. В другой раз Витя не упустил бы случая выяснить, почему на морозе черные усы становятся белыми, но не сейчас. В данный момент усы его интересовали по другому поводу. Внук бросился к деду с протянутыми ручонками, но он его остановил.

– Погоди, малец. Дай раздеться, а потом и поговорим.

Оказавшись у деда на руках, внук прижался к его щеке.

– Ой, какой ты холодный и колючий! – тут же отпрянул он и замахал маленькими ручками.

– А мужчине и положено быть колючим, иначе нас барышни любить не будут, так мать?

– Тебе бы всё шуточки шутить. Внук уже извёлся, ожидая тебя, а ты сегодня, как назло, куда-то запропастился.

– И какое же такое дело у тебя ко мне, Виктор Алексеич?

То, что дедушка, назвал внука по имени-отчеству, означало, что настроение у него хорошее. Витя одарил деда одной из самых очаровательных своих улыбок и, слегка прищурив глаза, сказал игриво:

– Ты, деда, говорят, у нас старший по кормушкам?

– Ах, вот зачем вам дед понадобился? А кто говорит-то?

– Догадайся с трёх раз, – подмигнула Вите бабушка.

– Что ж делать! Раз генерал сказал, значит, я старший.

– Деда, давай прямо сейчас и начнём, – изнемогая от нетерпения, сказал Витя, но бабушка посмотрела на сияющего внучка строгим взглядом.

– Это что за спешка такая? Спешка нужна только при ловле блох.

– Это как? – не понял Витя.

– А это ты лучше у дружка своего спроси, – засмеялся дедушка и опустил внука на пол.

– Какого дружка?

– Как какого? Кляксу Барбосовича, кого ж ещё!

Тут и бабушка рассмеялась.

– Это вы специально надо мной смеётесь, – скривился Витя, готовясь заплакать.

– Ну, вот ещё! Прекрати немедленно нюни распускать. – Бабушка шлёпнула внука полотенцем по мягкому месту, специально предназначенному для воспитания детей, и добавила: – Дедушка с дороги, ему поесть нужно и хоть немножко отдохнуть. А тебе вынь да положь! Совсем как Жека. Я всегда говорила: дурной пример заразителен.

Витя плакать не стал, но надулся.

– Садись, Алексеич, за стол и рассказывай, кого ты там кормить собрался, – серьёзно сказал дедушка, и внук тут же оживился.

– Деда, я смотрел в окно и думал, же птицы зимой едят, но кроме снега так ничего и не увидел. *что*

– Как это ничего? – дедушка помыл руки и сел за стол. – Рябина, калина и другие ягоды на ветках зимой остаются. Но здесь я с тобой согласен. Трудно птицам зимой. Подкармливать их нужно. Это ты, брат, правильно подметил.

– Так мы сделаем сегодня кормушку? – Витя смотрел на дедушку умоляющим взглядом.

– Мы сегодня сделаем кормушку по-быстрому.

– Это как? – малыш не знал, радоваться ему или огорчаться.

– Из бутылки. На первых порах сойдёт. К тому же, чем больше кормушек, тем лучше.

Лицо внука снова засияло.

– А на выходных займёмся настоящей, деревянной кормушкой, чтобы не только покушать, но и погреться птичьему брату было где.

Витя хотел уже было на радостях спрыгнуть со стула, но дедушка снова остановил его:

– Слышишь? Чертёж сделаем, потом строгать-пилить начнем, чтобы всё по правилам, понял?

Витя бросился к дедушке.

– Как же я люблю тебя, деда! Если бы ты только знал!

– Ну, вот тебе и на! Меня любишь, а генерала нашего нет, что ли? – Дедушка говорил серьёзно, но глаза его смеялись.

Витя сначала не понял, но, перехватив дедушкин взгляд, тут же сообразил, о ком речь.

– Конечно, и генерала тоже люблю, но у этого генерала усов нет.

– Мать, – муж бросил подозрительный взгляд на жену, – чего это ты уже накрутила?

– Рогаликов, чего ж ещё!

– Каких ещё рогаликов?

– А вот сейчас узнаешь.

Витя не стал спрашивать о рогаликах, потому что понял бабушкин намёк.

– Деда, а это тебе усы помогают чертежи делать?

– Какие ещё усы?

– Ну, усы! *твои*

– Мать, мало того, что ты меня сегодня кормушкой наградила, так ещё и усами орден выписала!

– На то ты у нас, деда, и инженер, чтобы в усах разбираться.

– Отыгралась за учительницу, значит.

Дедушка встал, поднял руки, как волк из «Ну, погоди!», и двинулся на бабушку:

– Ну, генерал, погоди!

– Бабуля, беги! Я его задержу! – Витя с разбегу бросился на деда и обхватил его ноги руками, а бабушка тем временем побежала вокруг стола.

– Деда, угомонись, у меня же сердце! – сказала она и села на стул.

– Ты слышал, Алексеич? У неё сердце! А у нас, что ли, сердца нет!

Крепкие дедушкины руки подхватили внука и подбросили его почти под потолок.

– Угомонись, сказала тебе! А то ещё о потолок ударится!

– Говорил я тебе потолки выше делать, а ты никогда меня не слушаешь! А теперь вот и внука от души подбросить нельзя.

– Я виновата, что ты такой высокий вымахал?

– Его, наверное, мама поила морковным соком! – донёсся счастливый голос из-под потолка. – Деда, отпусти, хватит уже!

Витя тут же оказался на полу.

– Эх, Алексеич, не получится из тебя космонавт! Иди, спасатель, к нашему генералу, а то видишь, у него что-то сердце барахлить начало.

Витя подбежал к бабушке и прижался лицом к её тёплой руке.

– Бабушка, как же я вас с дедой люблю!

Бабушка посадила внука на колени и сладко чмокнула его в раскрасневшуюся щёчку.

– И мы тебя любим, солнышко ты наше. Запомни, дому, в котором поселится Любовь, никакие грозы не страшны.

– Гав-гав! – донеслось с улицы.

– Вот и Клякса так считает, – рассмеялась бабушка и погладила внука по светлой головке.

– Ну, раз Клякса сказал, значит, так оно и есть.

Дедушка закончил ужин, отодвинул тарелку, а внук, забыв, что это тайна, радостно сообщил:

– Клякса всё-всё знает, только сказать ничего не может!

Витя смутился и покраснел. Это была большая тайна, его и Кляксы, и теперь ему было очень стыдно перед своим верным другом.

– Гав, гав, – донеслось с улицы, что на языке понятном только им двоим, означало: «Не переживай, брат, всякое бывает. Увидимся завтра».

Глава 6. Пост

Начался Рождественский пост. Витя, когда впервые услышал это слово, подумал, что всем, «кто желает Богу послужить», придётся, как солдатам, на посту положенное время стоять.

– Бабушка, а ружьё там выдают?

– Где там? – бабушка от удивления даже перестала месить тесто.

– Ну, на посту.

– Ах, вот ты о чём!

Бабушка очистила руки от теста и присела для серьёзного разговора.

– Нет, милый, – сказала она, проведя рукой по шелковистым волосам внука. – Тем, кто постятся, никаких ружей не нужно. Воины Христовы борют врага силой духа.

– Ха! – выдохнул Витя, что было сил, подражая обожаемому Жекой Джеки Чану. – Так, что ли?

– Ну и выдумщик ты у нас! – бабушка улыбнулась и поцеловала нежную щёчку своего любимца. – Нет, не так.

– А как же тогда?

Глаза у Вити горели, так как он очень любил открывать «тайны окружающего мира», как говорила бабушка. К тому же эта тайна была тайной из тайн: невидимый Бог родился человеком, чтобы «нас, грешников, спасти».

Бабушка объяснила, что для того, чтобы поститься, никуда ходить не нужно. Нужно просто захотеть.

– А я уже хочу! – тут же вызвался внук.

– Вот и молодец! И если выдержишь, то к Рождеству дух Христов в душе твоей появится, и тебе станет от этого светло и радостно.

– Бабушка, миленькая, давай я уже прямо сейчас начну поститься.

– Вот какой ты скорый! Ну, давай, определим меру твоего поста.

– Я буду, как ты!

– Нет, ты ещё совсем маленький воин, поэтому и мера тебе положена маленькая.

– Покажи, какая.

– Нет, я лучше расскажу, а не покажу. Что ты больше всего любишь?

– Конфеты, конечно, – заулыбался внук.

– Вот, значит, для усиления духа конфеты будем ограничивать.

– Как это?

Витя сразу погрустнел.

– А вот так это. Шоколадные конфеты будешь есть по штучке только в субботу и в воскресенье, а сосательные по две штучки в остальные дни, кроме среды и пятницы.

Тут уж Витя совсем сник.

– А что, с конфетами нельзя поститься?

– Э, милый мой, вот тебе и воин! Да, ведь, в этом и весь смысл состоит. Что больше всего нравится, то и ограничивать нужно. Ну что? Передумал поститься?

Теперь уже малышу не очень хотелось поститься, но и отступать назад тоже было стыдно. К тому же, ему хотелось узнать, что же это за дух Христов, от которого на душе становится светло и радостно.

– Согласен, – улыбнулся он, хотя и тяжело вздохнул.– И это всё?

– Нет, дорогой мой, не всё. В среду и в пятницу кашку будешь есть на водичке, а не на молочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.